

УЧАЩИЕСЯ В РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ КАЗАНИ)

Миронова Е.В., кандидат исторических наук

STUDENTS IN THE 1905–1907 REVOLUTION
(ON THE EXAMPLE OF KAZAN)

Mironova E. V.

В революции 1905–1907 гг. существенную роль сыграло не только революционное студенчество, но и учащиеся средних учебных заведений. Молодые люди с повышенным чувством справедливости, впитавшие новейшие социальные учения, к тому же зачастую находившиеся под гнетом начальства, с воодушевлением поддерживали выступления пролетариата. Казань, бывшая центром учебного округа, со множеством образовательных заведений, не осталась в стороне.

Учащиеся средних образовательных заведений уже до событий 1905–1907 гг. начали выражать свою позицию и участвовать в акциях протеста. В конце 1903 г. различные кружки воспитанников средних учебных заведений сливаются в «Объединенную группу учащихся средних учебных заведений г. Казани», которая поставила задачу выработки у учащихся революционного марксистского мировоззрения, подготовку к участию в революционной борьбе против самодержавия¹.

В организации выступлений учащихся СУЗов большую роль играла «Соединенная группа учащихся средних школ г. Казани» (СГУСШ) во главе с «Комитетом объединенной группы учащихся» из 17 человек. Она действовала под руководством РСДРП, однако не все представители СГУСШ относили себя к социал-демократам. Эта организация распространяла прокламации, революционную литературу, устраивала политические митинги и демонстрации с участием учеников, забастовки в школах, но значительную долю выступлений, особенно по бытовым и академическим вопросам, учащиеся организовывали сами, стихийно. Чего же хотели бастующие ученики?

Можно выделить два уровня требований:

1) Политические. Они распространялись в прокламациях и воззваниях, выдвигались на демонстрациях, поскольку такие вопросы находились вне компетенции администрации учебных заведе-

ний. Фактически в них даже не выдвигались никакие требования, поскольку они предусматривали не диалог с властью, а ее уничтожение, и выражались зачастую в лозунгах «Долой самодержавие!» и «Да здравствует республика!». Чаще всего политические воззвания воздействовали на сердца учащихся, показывая несправедливость существующего строя. Так, прокламация «К учащимся средних школ» СГУСШ и Казанского комитета РСДРП призывала присоединиться к всеобщей забастовке: «Покажем Правительству, что мы не за него, когда оно сделалось душегубцем. Широко разлилось движение по русской земле. Бастуют все, даже полиция и солдаты. А мы – молодые силы, которых ожидает при самодержавии такой гнет и в университете, и в жизни, неужели мы не будем протестовать со всеми вместе. Нет, товарищи, употребим все силы и примкнем к общему движению»².

Среди учеников средних школ эти лозунги зачастую были не самостоятельными, а лишь как повод для выступлений по более частным вопросам. Так, в учительской семинарии 2 декабря 1906 г. во 2-м классе перед уроком пения на классной доске появилась надпись: «Царь вампир пьет народную кровь. Долой царя. Да здравствует русская республика». В ходе разбирательства выяснилось, что целью надписи на доске было оскорбление преподавателя Д.М.Яичкова как плохого учителя, который вместо своего предмета, занимается по-

сторонним делом, ведет разговоры о посторонних предметах, проводит свои политические идеи³. Ученики 1 и 3 классов той же семинарии, когда их не отпустили в театр, начали петь революционные песни и марсельезу⁴.

Но иногда, особенно в период наибольшего подъема революционного движения, политические требования становились принципиальными. На общем собрании учащихся 5–8 классов 2-й Казанской мужской гимназии 27 сентября 1905 г. ученики, которые раньше хотели лишь снижения дисциплинарных требований и расширения свободы в гимназии, выдвинули требование всеобщего, бесплатного и равнодоступного для всех образования, без различия национальностей и вероисповедания⁵. Когда оно было отвергнуто, 9-10 октября вновь проводится сходка, где учащиеся уже выражают солидарность с политической борьбой рабочего класса, требуют принятия требований, которые считают своим неотъемлемым правом, и угрожают забастовкой всех учебных заведений, после чего гимназия была закрыта.

2) Академическо-бытовые. Во время революции была довольно широко распространена практика, когда ученики составляли петиции, в которые входили требования по улучшению быта и условий обучения, затем передавали их в совет или директору учебного заведения. Они различались в зависимости от учебного заведения и состава учащихся. Так, представители

старших классов Казанской первой гимназии на сходке выдвинули требования уничтожения внеклассного надзора и передачи его родителям, устранения гигиенических недостатков в гимназии, доступа в публичные читальни, увольнения преподавателя П.Н.Черняева и прочих послаблений ученической жизни⁶.

По сравнению с гимназией в состав Казанского реального училища входили более демократические элементы, поэтому реалисты хотели более радикального изменения учебной программы – добавления в курс преподавания популярных предметов, причем политической направленности. Кроме того, они требуют допустить их на земские и судебные заседания, что также свидетельствует об их политических устремлениях и желании активнее участвовать в жизни общества⁷.

Воспитанники Казанской духовной семинарии так же выступали с академическими требованиями, причем они подчеркивали, что их движение ничего общего не имеет с социал-демократическим революционным движением, что никто из учащихся не разделяет общедемократических идей, после чего Комитет социал-демократической группы учащихся средних школ оценил их забастовку как трусливую, оторванную от общей освободительной борьбы⁸.

Иногда встречались требования только бытового характера. Так, в записках дежурного наставника учительской семинарии указано, что все ученики просят: 1. уве-

личить порцию картофеля, 2. по постным дням за вечерним чаем назначить порцию белого хлеба, 3. улучшить приготовление⁹.

Но в данном случае описывается скорее просьба, чем требование. В другой раз в той же семинарии ученики выступили уже с требованием калош, причем настаивали на созыве педагогического совета для решения этого вопроса. В целом, чисто бытовые требования редко выдвигались учащимися, в основном, они шли в блоке с другими вопросами.

Также достаточно часто выдвигались требования об увольнении неугодных преподавателей. Таковыми объявлялись либо те, кто непочтительно обращался с учениками, либо, по мнению учащихся, неудовлетворительно преподавал свой предмет. К первым можно отнести преподавателя К.С.Мережковского, которого на уроке начал исправлять ученик Талалов, говоря, что тот задал вопрос не по анатомии, а по физиологии. В связи с чем преподаватель был вынужден сказать: «ах уберите с вашими замечаниями и не мешайте мне заниматься делом». После шептания учеников, один наконец-то сказал, что учитель оскорбил их, видя, что назревает инцидент, преподаватель стал прилагать усилия, чтобы уладить все. Заявил, что не хотел оскорбить Талалова, и что, наоборот, считал себя обиженным тем, что ученики позволяют себе учить его, да еще с такой настойчивостью. Просил не говорить об этом директору, уговаривал, насколько

ко это было возможным, чтобы не унижать достоинство учителя, но они не согласились. Педсовета по этому вопросу не состоялось, ограничились лишь беседами Мережковского с учениками. Конфликт в ходе беседы был исчерпан¹⁰. Ко вторым – уже описанный выше случай с Д.М.Яичковым. Но совет и администрация обычно становились на сторону преподавателя.

Формы проявления неповиновения среди учащихся были разнообразны. В случае невыполнения требований учащиеся могли устроить забастовку, но этим словом называли различные действия: от пропуска занятий до применения насилия в отношении преподавателей. Для принятия совместных решений учащиеся устраивали сходки в помещениях учебного заведения. Вот, какие формы протеста были в земледельческом училище, причем, по заявлению Совета, в них не было ничего оригинального: забастовка 18 октября 1905 г., обсуждение вопросов о посещении уроков и церкви, случай бросания камня в квартиру одного из учителей, привлечение надзирателя и инспектора к ответу за сравнительно строгий надзор, пение недозволенных политических песен, выкрикивание (один случай) вызывающих выражений: «долой чиновников, долой попов!», подбрасывание анонимных угрожающих писем служащим в училище, забастовка 1 мая, объявление бойкота ученикам, непослушным толпе, требование удаления низших служащих, неугодных ей, крити-

ка учебных программ и учителей и, наконец, требование удаления учителя русского языка¹¹. Также была распространена так называемая химическая обструкция, когда в классе разливалось какое-либо дурно пахнущее вещество, например, сероуглерод, и проводить занятия становилось невозможным. Для удовлетворения своих требований ученики устраивали массовые пропуски занятий. Во второй гимназии воспитанники требовали прекратить занятия в старших четырех классах до тех пор, пока не восстановят их уволенных товарищей, а в случае отказа грозили достигнуть этого своими средствами, то есть, видимо, прекратить ходить на уроки¹².

Эти выступления иногда принимали формы, опасные для здоровья и жизни самих учащихся и окружающих. Опять же во второй гимназии один из учеников подложил в печь полуфунтовую жестянку с охотничьим порохом и медный патрон, наполненный каким-то веществом. Эти вещи были найдены сторожем и во время его доклада об этом происшествии директору, в печи возле младших классов, когда ее стали топить, произошел взрыв, из печи вылетел патрон, который, по счастливой случайности, никого не задел¹³. В учительской семинарии 29 января 1906 г. воспитанники 2 и приготовительного классов были отпущены в городской театр. Оставшиеся в здании воспитанники 3 и 1 классов принялись выражать неудовольствие за то, что их не взяли в театр: стали кричать,

шуметь, громко петь революционные песни (марсельезу, варшавянку) в здании и на дворе, стали портить проводку электрического освещения, бить стекла камнями, как в здании, так и в квартирах некоторых наставников и учителей, открыли водопроводные краны, сломали замок в шкафу с водопроводным рукавом и рукав спустили вниз с верхнего этажа; с верхних этажей стали бросать доски, другие предметы. Один из наставников получил ушиб ноги от брошенного сверху полена. С самого начала беспорядков в корпус были вызваны наставники, никакие угрозы которых не имели успеха. Ввиду крайних беспорядков дали знать полиции. Собрав всех воспитанников, стали их убеждать успокоиться. Но умиротворения не последовало, всех замеченных в беспорядках учеников было решено немедленно уволить. В случае прекращения беспорядков, пригрозили отчислить всех. Только эта угроза подействовала на учеников¹⁴. Этот случай свидетельствует, что зачастую даже самые отчаянные выступления не были связаны с политикой напрямую, а имели скорее хулиганский характер.

Вне стен школы акции протеста проходили обычно совместно с учащимися других школ и студентами. 9 мая 1905 г. в местности под названием «Платоновский враг», находящейся близ Казанского уезда, учащаяся молодежь устроила сборище, на котором присутствовали ученики земледельческого училища – до 100 человек – студен-

ты университета и ветеринарного института – до 15 человек – и ученики и ученицы средних учебных заведений – до 600 человек.

Вся эта молодежь толпой с пением революционных и народных песен направилась к пароходной пристани на озере «Дальний Кабан». Учащиеся начали пускать ракеты, полет которых приветствовали криками: «Долой Царя, долой Самодержавие, Ура». Находившийся на пристани полицейский урядник Толмачев потребовал, чтобы собравшиеся разошлись, но в ответ на это из толпы послышались возгласы: «Продолжай, ребята, не обращай внимания на урядника». А затем закричали: «Берите его, в воду его».

Вслед за этим часть участников сборища вошла на пароход, пассажиры которого стали выражать неодобрение действиям молодежи. Когда же несколько человек из демонстрации стали возражать, говоря «это не ваше дело», то неизвестный мужчина из публики толкнул одну из демонстранток, отчего та свалилась на палубу. Начинаясь на пароходе беспорядок был прекращен с появлением владельца парохода, потребовавшего прекращения ссоры и распорядившегося приказать пароходному оркестру начать музыку. Часть находившихся на пароходе учеников земледельческого училища, в числе 15–20 человек, по-видимому, старших классов, не принимала участия в демонстрации и относилась к демонстрации неодобрительно.

Когда пароход прибыл к при-

стани, пассажиры не позволили демонстрантам сойти на берег, и все были переписаны. Заблаговременно прибывшая полиция тотчас же приняла меры к прекращению препирательств, и ученики демонстрации в числе 19 человек были переписаны. Все сведения были сообщены начальнику КГЖУ¹⁵.

Но такие митинги-прогулки были редкостью, в основном, демонстрации собирались по более серьезным поводам, как, например, похороны самоубийц Кузнецовой и Малиновского, проходившие 18 и 22 сентября 1905 г., в которых принимало участие значительное количество учащихся средних школ¹⁶. Их хоронили как жертв царского режима, не выдержавших преследований. Губернатор сообщал директорам школ, что если что-либо подобное повторится еще раз, то он будет вынужден прибегнуть к вооруженной силе.

Во время вооруженного восстания в Казани в октябре 1905 г. учащиеся были активной силой, сыгравшей значительную роль в столкновениях. По отзывам участников этих событий, ученики Духовной семинарии сыграли роль зачинщиков сражения 17 октября¹⁷. Начальство семинарии отрицало участие своих воспитанников в этих событиях. По их словам, в семинарию ворвалась толпа с намерением стрелять из окон в войска. Воспитанников вывели из здания для безопасности и перевели частью в больничный корпус, частью в задние помещения¹⁸. Другие учащиеся также участвовали в столкновени-

ях и немало пострадали после разгона восставших. К. Боратынская красочно описывает расправу над ними: «...Тоня спасала от толпы реалиста. Мой двоюродный брат сам вырвал реалиста из рук толпы. Я, возвращаясь как-то от бани, видела, как казак нагайкой хлестал студента, который, как затравленный зверь, метался по улице»¹⁹.

Хотя чувство товарищества было сильно среди учащихся, и они не раз друг за друга заступались, но даже между учениками одного класса нередко возникали разногласия. Например, по сообщению инспектора Казанского промышленного училища, в один из дней февраля 1905 г. на уроки пришли 17 учеников низших училищ разных классов. Из его бесед с ними выяснилось, что они чувствуют себя угнетенными ненормальным положением своего учебного дела. Они хотели бы заниматься, но это желание парализуется уговором товарищей не ходить на уроки, при этом они выражали опасение за себя перед ними в смысле нравственного товарищеского воздействия на них и физического насилия. Под этим моральным воздействием – насмешки, укоры, упреки, страх насилия – большинство не пришли на уроки²⁰. В последующем конфликты продолжались, и один из споров между учащимися закончился ударом. И даже после того, как занятия возобновились, инспектор отмечал «ненормальность отношений» между воспитанниками²¹. На несогласных с общим протестным движением давили не только

моральным осуждением. Ученик второй мужской гимназии Боговаров попросил директора уволить его, мотивировав просьбу тем, что ему неудобно одному оставаться в классе (остальные либо уволены, либо не ходят на занятия), а также из-за угрозы быть облитым серной кислотой или быть избитым. Эта же угроза, по его словам, была и в адрес других, спокойных, учеников²².

О значительном количестве несогласных с радикалами учеников говорит факт создания «Оппозиционной партии Казанской 2-й мужской гимназии», в «Воззвании...» которой указывается, что правительство идет навстречу требованиям учащихся, реформируя гимназии в духе современности, устранив преподавание греческого языка, что уже введено преподавание новых предметов – психологии, законовведения. А задача учащихся заключается в том, чтобы «учиться и ждать результатов наших волнений»²³. Раскол происходил не только среди рядовых учащихся, но и среди Комитета СГУСШ. 5 февраля 1905 г. 7 человек обвиняли остальных в «крайностях» и «узурпаторстве», а все выпущенные листовки и прокламации объявили незаконными. Другие 10 членов выдвинулись в «Социал-демократическую Соединенную группу учащихся»²⁴.

Поскольку между школами были налажены связи, учащиеся вместе ходили на митинги, то иногда давление оказывалось учениками одного учебного заведения на учеников другого. Так, в разгар ре-

волюционных событий 20 октября 1905 г. в коридор учительской семинарии проникла толпа учащихся из Казанской татарской учительской школы – 50 человек. Они пели революционные песни и угрожающе кричали. Некоторые из толпы были вооружены. Часть воспитанников семинарии в панике убежали с молебна из церкви и спрятались в разных местах. Директору семинарии удалось удалить толпу только путем обещания, что он отпустит с ней воспитанников на митинг. Это было уже не первое нападение на семинарию, до этого семинаристам угрожали «переломать кости», если они не будут ходить на митинги. Оно усилило среди воспитанников панику и смущение, так что урок состоялся лишь при величайшем напряжении директора и учителей, причем многие воспитанники заявили, что неспособны заниматься в подобных условиях²⁵.

Картина поведенческих особенностей учащихся в революционный период будет неполной, если не рассмотреть, какие меры предпринимало начальство в ответ на действия своих подопечных. Поскольку ученики средних школы были, по сути, еще детьми, то директора и учителя не воспринимали их как самостоятельных и отвечающих за свои действия личностей. Революционность учащихся приписывалась внешнему влиянию, а не условиям жизни. Попечитель Казанского учебного округа писал директору третьей мужской гимназии: «Волнение среди учащихся возникает по причинам по-

стороннего влияния, стремящегося путем внесения смуты в среду детей как бы усилить протест против существующего государственного порядка. Учащиеся, далеко не стоящие от истинного понимания настоящего брожения, из подражания заражаются желанием забастовок, которые делают их как бы героями и в то же время предоставляют возможность поленился»²⁶. Директор учительской семинарии так же считал, что «дух критицизма возник под влиянием сторонней агитации, начало которой было положено во время поездки семинаристов в августе с учениками Казанской татарской учительской школы в «Чертов Угол», а затем развивались под влиянием чтений политической экономии, устроенных тайно некоторыми студентами»²⁷.

Поначалу в ответ на выступления советы и директора отвечали лишь увещаниями, уступками и даже ранним отпуском учеников по домам. Как более решительные меры рассматривалось увольнение виновных учеников из школы, но обычно принимая обратно, если ученик раскаялся и написал заявление о восстановлении. И наконец, когда беспорядки становились массовыми, учебное заведение могли закрыть.

Практически сразу после начала волнений в январе 1905 г. попечитель Казанского учебного округа созвал совещание директоров средних учебных заведений, на котором были приняты превентивные меры для недопущения беспорядков. Среди них – не распускать учени-

ков старших классов по домам до окончания уроков; все занятия отсутствующих по болезни преподавателей замещать; выяснять причины манкировки занятий; в перемены не оставлять старшеклассников без усиленного за ними наблюдения; установить непрерывный надзор за воспитанниками с 2 1/2 часов дня до 6 часов вечера на Воскресенской улице особенно вблизи университета и направлять их своевременно по домам для вечерних занятий; установить усиленное и неослабное наблюдение за ученическими квартирами, особенно старшеклассников; в учебные дни отпускать учащихся в театр только в исключительных случаях²⁸.

Но, как мы видели, такие меры только способствовали недовольству учеников и не принесли желаемых результатов. Хотя попечитель признавал закрытие учебного заведения мерой нежелательной и советовал увольнять только участников волнений²⁹, но с октября 1905 по январь 1906 г. средние учебные заведения пришлось закрыть. Когда революция пошла на спад, администрация сочла возможным восстановить утраченную дисциплину. Так, инспекция духовной семинарии считает, что причиной демонстраций в ноябре 1906 г. стало усиление строгости семинарского режима (возобновление вечерних проверок, строгая регистрация отсутствующих за обедом и ужином, на богослужениях, на уроках) сравнительно с прошлым годом, когда были допущены послабления³⁰. С 1906 г.

выступления учащихся пошли на убыль, но это может быть связано как с действиями администрации, так и с общим улучшением ситуации в стране.

В женских средних учебных заведениях события 1905–1907 гг. отразились слабее, чем в мужских, но все же не обошли их стороной. Среди них волнения распространились лишь в старших классах. Об их тесных связях с мужскими средними школами свидетельствуют требования, которые очень схожи с требованиями реалистов. Ученицы 6–8 классов Мариинской женской гимназии просили предоставить им возможность собираться, как для обсуждения вопросов, глубоко затрагивающих их в данный момент, так и для самообразовательного чтения; беспрепятственно посещать все заседания (земские, городские и т. д.); улучшить гимназическую библиотеку и передачи заведывания ею в руки учениц, устроить при гимназической библиотеке читальню; уничтожить балловую и наградную систему и т. п. Также они требовали оказать давление на педсовет второй мужской гимназии, чтобы приняли назад уволенных учеников³¹.

Возможно, меньшее развитие революционного движения в женских учебных заведениях получило в результате более доверительных отношений между преподавательницами и воспитанницами. Например, осенью 1906 г. в Мариинской женской гимназии ученицы 6–8 классов во главе с гимназисткой Закржевской, собрались в кабинете

на сходку. Начальница гимназии, придя к ним, объяснила, что не может им разрешить сходку, поскольку она незаконна. На провокации Закржевской она отвечала с достоинством, но не грубо. В итоге ученицы сами приняли решение прекратить собрание. Когда ученицы спросили начальницу, почему её так пугает слово сходки, она ответила, что ничего подобного, но она не может разрешить того, на что не имеет законного права. «Ведь собирались же прежде ученицы танцевать, нет, почему сейчас нам нельзя собираться...» – «Сколько угодно можете собираться... танцевать...». – «Это все устарело, теперь нас интересуют жизненные вопросы...»³². Если с учениками мужского пола директора говорили свысока, как с несмышленишками, то здесь начальница отнеслась к ученицам почти как к равным, что и позволило уладить конфликт мирным путем.

В женских гимназиях, по сравнению с мужскими, воспитанницам давали гораздо больше свободы. По сообщению начальницы Мариинской женской гимназии, «интерес к вопросам политического и социалистического характера естественно развивается у молодежи в данное время, и как педагогический совет, так и родительский комитет всегда указывали на желательность разрешения обсуждения подобных вопросов ученицами в стенах гимназии под руководством преподавателей. Отказ в разрешении подобных ученических собраниях невольно толкает девушек на

посещение частных собраний, где руководителями являются нередко лица, принадлежащие к крайним левым партиям»³³.

Родители девушек старались оградить своих дочерей от опасных обстоятельств. Директор женской гимназии Котовой сообщал, что родители удерживают дочерей дома, боясь, чтобы они не вмешались в беспорядки³⁴, а в Мариинской родители и вовсе просили закрыть гимназию, боясь, чтобы с ними не случилось чего-нибудь дорогой или в самой гимназии³⁵.

Учащиеся были весьма заметной силой во время революции 1905–1907 гг. Молодая, горячая кровь и кипучая энергия искали выход, который и представился в ходе событий этого времени. Неудовлетворительная система обучения, жесткая дисциплина и нежелание власти идти на реформы в области образования обеспечили мотивацию к выступлению против этих порядков.

Радикальные социалистические лозунги привлекали ощущением свободы и долгожданных изменений. Хождения на митинги, подача петиций, споры с преподавателями позволяли почувствовать себя взрослым и самостоятельным, чего так не хватало ученикам средней школы.

Кроме того, молодежь всегда отличается повышенным чувством справедливости и после выстрелов Кровавого воскресенья, учащиеся, движимые чувством солидарности с рабочими, выступали и против политической системы России.

Было немало случаев и обычно-го озорства, особенно со стороны более молодых учеников, поскольку беспорядки были поводом безнаказанно пропускать опостылевшие занятия и выплеснуть накопившееся раздражение к преподавателям. Но большинству действительно надоели старые порядки. Даже девушки того времени, отличавшиеся большим благоразумием и склонные принимать существующие порядки, а не менять их, поддались общему потоку и устраивали выступления против начальства.

Руководство учебных заведений реагировало на эти события по-разному. В СУЗах оно, испуганное размахом движения, не решалось предпринимать радикальные репрессивные меры, но и не шло на уступки, предпочитая закрывать школу до успокоения учащихся.

В целом, Первая русская революция внесла значительные перемены как в сознание учащихся, так и в условия их жизни. Была расширена автономия учебных заведений, хоть и ненадолго; преподаватели если и не осознали, что их ученики тоже личности, с которыми надо считаться, то по крайней мере, стали их немного опасаться. А сами учащиеся глубже осознали свои интересы. Их жизненные пути пошли по-разному, но столь сильное потрясение в умах молодежи не могло не повлиять на дальнейший ход истории страны, одних превратив в профессиональных революционеров, других подтолкнуло встать на другую сторону баррикад.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Рождественский В.П. Революционное движение учащихся средних школ в революцию 1905–1907 гг. в Казанском учебном округе. Дисс. канд. наук. Казань, 1941. С. 116.
- 2 Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 88. Оп. 64. Д. 2054. Л. 30.
- 3 ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 874. Л. 99, 101.
- 4 Там же. Л. 123.
- 5 Рождественский В.П. Революционное движение учащихся средних школ в революцию 1905–1907 гг. в Казанском учебном округе. Дисс. канд. наук. Казань, 1941. С. 183.
- 6 ГА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 4531. Л. 93.
- 7 Рождественский В.П. Революционное движение учащихся средних школ в революцию 1905–1907 гг. в Казанском учебном округе. Дисс. канд. наук. Казань, 1941. С. 177.
- 8 Там же. С. 203.
- 9 ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 844. Л. 61.
- 10 ГА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 4531. Л. 87.
- 11 ГА РТ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1135. Л. 17–17 об.
- 12 ГА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 5581. Л. 3.
- 13 Там же. Л. 45.
- 14 ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 844. Л. 123–123 об., 126–126 об.
- 15 ГА РТ. Ф. 88. Оп. 64. Д. 2054. Л. 18–18 об.
- 16 ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. № 898. Л. 77.
- 17 Аросев А.Я. Казанские очерки о революции 1905 г. – Казань: Ист-партогдел, 1925. – С. 62.
- 18 ГА РТ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1167. Л. 1.
- 19 Боратынская К.Н. Мои воспоминания. – М.: Альфа – Принт, 2007. – С. 318.
- 20 ГА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 4532. Л. 53.
- 21 Там же. Л. 59.
- 22 ГА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 5581. Л. 10.
- 23 Рождественский В.П. Революционное движение учащихся средних школ в революцию 1905–1907 гг. в Казанском учебном округе. Дисс. канд. наук. Казань, 1941. С. 204.
- 24 Там же. С. 160.
- 25 ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 841. Л. 293.
- 26 ГА РТ. Ф. 88. Оп. 64. Д. 2054. Л. 6.
- 27 ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 841. Л. 360 об.–361.
- 28 ГА РТ. Ф. 88. Оп. 64. Д. 2054. Л. 4–4 об.
- 29 Там же. Л. 6.
- 30 ГА РТ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1192. Л. 27 об.
- 31 Рождественский В.П. Революционное движение учащихся средних школ в революцию 1905–1907 гг. в Казанском учебном округе. Дисс. канд. наук. Казань, 1941. С. 201.
- 32 ГА РТ. Ф. 125. Оп. 1. Д. 817. Л. 4-5 об.
- 33 ГА РТ. Ф. 125. Оп. 1. Д. 817. Л. 12–12 об.
- 34 ГА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 4531. Л. 46.
- 35 Там же. Л. 144.

Сведения об авторе: Миронова Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш.марджани АН РТ, e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru.

Аннотация: в статье рассматривается участие одного из наиболее активных слоев населения – воспитанников средних учебных заведений Казани – в событиях 1905–1907 гг. На основе архивных материалов и источников личного происхождения показаны формы, цели и результаты протестов учащейся молодежи. Автор делает вывод,

что активность учащихся происходила от неудовлетворенности политическим строем и системой образования.

Ключевые слова: история, революция 1905–1907 гг., Казань, учащиеся, протесты, СУЗы.

Abstract: The article deals with the participation of one of the most active sections of the population – pupils of secondary educational institutions of Kazan, in the events of 1905–1907. Based on archival materials and sources of personal origin, the forms, purposes and results of the protests of students are shown. The author concludes that the activity of students was due to dissatisfaction with the political system and the education system.

Key-words: history, revolution of 1905–1907, Kazan, pupils, protests, schools.